

А.Е. Козлов

ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ И СЮЖЕТ О ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ОБЛИЧИТЕЛЯХ В РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ 60-х г. XIX в.

Объектом рассмотрения настоящей статьи является взаимодействие двух сюжетных схем, связанных с деятельностью журналистов губернских ведомостей и обличителей. На материале русской беллетристики («Отечественные записки», «Современник», «Искра») рассматриваются частотные варианты изучаемых сюжетных схем. Анализ крупных романских форм («Бес в Холопске» С. Федорова, «Обличители» М.П. Стопановского, «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского) показывает, что данные сюжеты, находясь в семантическом взаимодействии, не только входят в репертуар провинциальных сюжетов, но и генерируют общий металитературный фон, который, в свою очередь, делал обличительное направление вторичным фактом.

Ключевые слова: русская литература; журналистика второй половины XIX в.; сюжет об обличителях; губернские ведомости, провинциальный текст.

Обличительное (реальное) направление, возобладавшее в 60-е гг. XIX в. в критике и журналистике, стало не только социальным, но и эстетическим фактом. При сравнении собственно исторических, публицистических и художественных контекстов, можно увидеть первичность фикционального над реальным. Так, появляясь в литературной сфере, обличительное направление постоянно становилось объектом рефлексии, провоцируя появление сатирических и иронических сюжетных вариантов. При этом объекты обличения зачастую трансформировались, утрачивая возможную связь с реальностью.

Рассматриваемая в настоящей статье репутация губернской прессы часто предопределялась культурным стереотипом. Поскольку в отдаленных от столицы городах функцию журналистов выполняли находящиеся на службе чиновники, представление о губернской печати было обусловлено сюжетом о службе в провинции. Связанная с этим сюжетом семантика поденной работы и литературной каторги часто определяла денотат сюжета о губернских ведомостях.

Если в толстых журналах объектом осмеяния становились отдельные известия, извлеченные из губернских ведомостей (часто не существующие, якобы созданные Фалалеями и Митрофанями), то в сатирических еженедельниках они составляли основу рубрик («Нам пишут», «Из провинции» и т.д.), по которым читатель формировал свои представления о провинциальной жизни. Как писал П. Сумароков, пародируя провинциальную периодику, «...нельзя не сознаться, что все заявленные здесь потребности и обличения не слишком крупны, но что же делать! Для Англии нужен Times, для нашего угла хороша и «Наша Местность»» [1. С. 236].

На страницах «Искры» новостные обзоры из жизни провинций представляли исключительно анекдотические ситуации. Описывая местного губернского аэда, фельетонист «Искры» замечает: «Поэт бард, как без всяких средств, единственно одним пламенным желанием, грязные улицы превращаются в шоссе, в городе вечный мир и благоденствие...» [2. С. 201]. Вся статья построена на контрасте действительности, видимой и осязаемой, и творческого, художественного мира, создаваемого по рекомендации градоначальника. В одном из «Курьезных случаев», описанных С.И. Федоровым, рассказы-

вается о чиновнике, который работал в местной прессе: «Но это что, в сравнении с теми статьями, которые он помещает в «Губернских ведомостях» – превосходный слог. Помните эту статью, где он описывает наш город: кротость нравов, добродетель и образованность высшего сословия. Читать упоительно! Какая-то солидность и нравственность в каждой статье; это не то, что какая-нибудь эта <...> утопия... фармакопея какая-нибудь» [3. С. 97]. Упоминание утопии в этом контексте обнажает несовместимость представленных материалов с губернской жизнью: иронический эффект достигается за счет смешения явлений.

В фельетоне «Сторона наша убогая» Г.И. Успенский описывает творческие муки начинающего журналиста. Корреспондент Чернилов отправляется по улицам губернского города: «– Ну что же, будет ли что-нибудь, – спрашивал Чернилов себя и мертвое царство. – Ничего не будет, отвечал кто-то, – будто и сам Чернилов, и само мертвое царство» [4. С. 102]. Не сумев найти материала в действительности, Чернилов обращается к литературным штампам. Используя сложный период и употребив в своей статье четыре раза «когда», Чернилов начинает писать предложение, открывающееся словом «тогда». Представляя итог творческих поисков, повествователь указывает: «Вымученная таими усиленными приемами корреспонденция, очевидно, много говорила неправды, много врала, потому что наша родная убогая сторона и до сих пор та же» [4. С. 106].

Во всех приведенных контекстах губернские ведомости становятся синонимом дилетантизма в литературе. Иногда этот мотив усугубляется через описание работы губернского журналиста как части бессмысленной повседневности: «...станешь, как и все просветители, сплетничать, брать взятки, вещественные и невещественные: поклонами да пожатиями рук; по ночам дуться в карты, по утрам писать для Губернских ведомостей о прогрессе края» [5. С. 457].

Комплекс устойчивых представлений о губернских ведомостях обусловил семантику противоположного сюжета, связанного с губернскими обличителями. В большинстве контекстов обличительное направление представлено как поветрие, спровоцированное появлени-

нием «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина. По всей видимости, «время гласности и обличения» было связано не с конкретным художественным произведением, а с изменениями законодательства. Однако в литературе и журналистике ответственность за появление гласных обличающих статей была возложена на «Русский вестник» и «Губернские очерки»¹. Таким образом, на формирование сюжета об обличителях оказали влияние не собственно очерки (эстетический факт), сколько позитивный факт появления подобной литературы. Как пишет М.П. Стопановский во второй части романа «Обличители», «...вскоре с легкой руки Щедрина, литература наша приняла преимущественно обличительное направление. Время было задорное и плодотворное перьями: авторы, которые вслед за Щедриным, появлялись как грибы после дождя, далеко не ходили и сами недалекие были – пользовались материалами, бывшими у них под руками...» [7. С. 545]. Сатирическое содержание рассматриваемого сюжета об обличителях можно разделить на две. Первая группа: в таких произведениях высмеивались частные стороны провинциальной жизни. Вторая группа – журналисты, создающие подобные новости.

В рассказе анонимного автора «Une entente cordiale», в частности, обличительное направление становится модой и увлечением губернской молодежи: «...лет пятнадцать тому назад юноши такого калибра сочиняли толстые тетради стихотворений: “К Луне”, “К мечте”, “К ней”. Теперь, вследствие прогресса, устремили они свои мысли на устройство общественного блага» [8. С. 415]. Герой «Une entente cordiale» – начинающий литератор Кувшинников – обсуждает с приятелем сюжет возможного произведения. Приятель представляет на суд Кувшинникова случай: «Представь, жена одного попovichа влюбилась до смерти в пастуха <...> стала бегать к нему в степь. Раз овечкой обернулась, на четвереньках в его стадо ходила и траву щипала. Вот любовь! Ты знаю, охотник до <...>. Опиши, пожалуйста <...>» [8. С. 417]. На возражение Кувшинникова, утверждающего неактуальность идиллически-сентиментального направления, товарищ отвечает: «Да есть, пожалуй, в той же самой истории и современное: жена, наконец, убила мужа и можешь себе представить, взвалила труп на плечи, понесла в степь и бросила в ноги пастуху: “из любви, говорит, к тебе сделала преступление...”» [8. С. 417].

Таким образом, создаваемый провинциалами сюжет определяется не требованиями действительности, а запросом массового читателя. Часто провинциальные обличители воспринимались как эпигоны своих столичных современников, воспитанные на стиле консервативных губернских ведомостей, механически воспроизводящие и копирующие этот стиль. Сходное описание провинциального творчества представлено в очерке Н. Дмитриева «Провинциальная газета» (1863 г.): «Надо, положим, обличить, предать гласности господина N <...>, провинциальный литератор берет лист бумаги и пишет: “спешим заявить, что в наше время, когда гуман-

ность и проч., г-н N делает то-то и то-то”» [9. С. 306]. Подобно провинциальным чиновникам, ведущим хронике повседневной жизни, обличители оказываются во власти казенных фраз и штампов.

Как замечает И. Ямпольский, анализируя воспоминания А.М. Скабичевского: «Искра <...> сделалась грозой для всех, у кого была нечиста совесть, – и попасть в “Искру”, упечь в “Искру” были самыми обыденными выражениями в жизни 60-х годов» [10. С. 6]. В связи с этим возникает комплекс ложной идентификации: оперируя типизированными и многократно повторяемыми сюжетами, «Искра», по свидетельству современников, заставляла многих читателей соотносить свою жизнь с жизнью фельетонных героев. Описывая переполох среди читателей города Н., узнавших себя в героях опубликованной толстожурнальной повести, П. Кулиш представляет характерное мнение провинциалов: «Положим, он не назвал города; положим, он не называл наших фамилий. Но мы чувствуем, что это мы» [11. С. 93]. Развитие этой ситуации представлено в одном из «Провинциальных анекдотов»: здесь женщина, известная своим безнравственным поведением, утверждает, что не попала на страницы «Губернских скандалов», потому что ее жизнеописание оказалось неприемлемым для журнальной цензуры.

Фельетонные сюжеты, связанные с журнальным творчеством в провинции, стали основой для крупных романских форм («Бес в Холопске» С. Федорова, «Обличители» М.П. Стопановского, «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского).

Буки-б, или С.И. Федоров, автор романа «Бес в Холопске», следуя лесежевской традиции, представляет восемь суток из жизни приехавшего на службу чиновника. Он заключает договор с хромым бесом – чиновником адских поручений при Холопске, – который оказывается изгнан из Ада из-за невыполнения служебных обязательств. Жалуясь на свою судьбу, бес предлагает собеседнику познакомиться с местными нравами. Повидимому, этот сюжет вырастает из еженедельных анекдотов, публикуемых в «Искорках», где каждому читателю предлагалось посмотреть на провинциалов «<...> по лесежевскому способу, через крыши домов» [9, 12]. Реализуя классическую линию плутовского романа, Федоров делает явными обычно скрытые от наблюдателей пороки: невежество, пьянство, разврат и т.д. Более половины романа связано с различными обличительскими проектами и борьбой местных обывателей. Во время первой встречи, рассказывая о новом направлении в литературе, бес жалуется на несостоятельность многих известий, представляемых обличителями: «Всякий слух, подхваченный на улице, кухне, или в лавочке, возводится этими господами в перл создания...» [13. С. 261]. Так, истинное слово противопоставляется ложному поветрию, которое буквально охватывает Холопск. Во вторую встречу бес знакомит нового приятеля с обществом по искоренению литературы: дворянское собрание провозглашает решительный бойкот каким-либо эстетическим и литературным явлениям. Затем

чиновник и бес отправляются по разным домам, обсуждая не только обличаемых, но и обличителей: «– Какие обстоятельства могут породить подобные создания? – Пустота провинциальной жизни и необразованность» [14. С. 508]. Таким образом, потерпевшая и обличающая сторона уравниваются, два внешне противоположных явления, по мысли фельетониста, имеют общий корень – пустоту и бессмысленность провинциальной жизни.

Эта ситуация стала своеобразной «фабульной наметкой» для романа М.П. Стопановского «Обличители». В трех частях сатирического романа представлено возмущение грязеславльских жителей, узнавших в повести «Братья разбойники» свою повседневную жизнь. Описывая реакцию жителей Грязеслава, повествователь подчеркивает их растерянность, тем более что в повесть обличителя Быканова попадают все: и откупщик Урываев, и местный приживальщик Костыльков, и статский советник Павел Иванович Чичиков. Само произведение в романе не приводится, однако автор уделяет внимание его содержанию: «...в рассказе было многое изменено, согласно с задачей сочинения, которая была не буквальная передача факта, а обличение более общих, характерных сторон губернской бюрократии и губернского общества, поражающих своей ненормальностью» [15. С. 61]. Анонимный губернский Ювенал представляет сюжет повседневной жизни, используя эффектное завершение и тем самым отступая от действительности: «...наконец, для развязки дела, было придано (тоже своего рода *dues ex machine*) симпатичное правдою и развитым, честным взглядом на вещи лицо губернатора» [Там же. С. 61]. Такой финал привлекает внимание грязеславльского губернатора – графа Чичихина. Подобно императору, находящему идеальную модель поведения в оде, Чичихин пытается стать безупречным сановником, как и его «прототип» – граф Временев. Поход консерваторов против губернских обличителей, составляющий кульминацию романа, напоминает походы против просвещения, впоследствии описанные Н. Щедриным в «Истории одного города». Провозглашая: «Литература во вверенной вашему сиятельству губернии не будет существовать!» [16. С. 427], – обыватели устраняют обличителей: отставлен от должности Хренковский, уезжает в другой город Колесников. То, что должно было потрясти основы губернского общества, достаточно быстро изглаживается в памяти обывателей.

Либеральным обличителям, которые описаны с большой долей иронии, в романе противопоставлено консервативное большинство. Неумелые, некачественные повести с броским названием: «Братья разбойники», «На чужой каравай рот не разевай», – представляя тип повседневной, массовой литературы – не выдерживают сравнения с русской классикой: «Видно, что с плеча махал недобросовестный автор... А посмотри, как работал Пушкин; взгляни на образчик его черновой, приложенной при последнем издании» [17. С. 4]. Далее в произведении упоминаются романы И.С. Тургенева, и противопоставленная им манера публицистического письма Н.Г. Чернышевского. Недобросовестность пишущего

автора становится не только синонимом дилетантизма, но и неуважения к читательской публике. Характерной особенностью романа Стопановского является своеобразный «код поведения», через который, как отмечалось выше, реализуется комплекс ложной идентификации. Большинство провинциалов, узнавая себя в персонажах обличительных повестей, тем самым осуществляет вульгарный акт чтения, в то время как авторы, пытаясь объективно отразить действительность, оказываются во власти вульгарного акта творения. Приведенные наблюдения показывают, что роман «Обличители», в отличие от «Беса в Холопске», формирует значительное рефлексивное поле.

Сходная с «Обличителями» сюжетная ситуация представлена во «Взбаламученном море» А.Ф. Писемского. Желая отомстить своей сестре и местным откупщикам, Виктор Басардин вместе с приятелями (примечательна фамилия одного из обличителей – Никтополинов) пишет повесть: «”Во имя всех святых прав человечества, – рисовало его расхолодившееся перо, – я требую у общества, чтоб оно этого человека, так низко низведшего и оскорбившего женщину, забросало, по иудейскому закону, камнями...”» [18. С. 549]. Обличительная литература приносит Басардину славу и уважение, при этом автор повести не является либералом или социалистом. Так, получив пять тысяч от губернской полиции, Басардин соглашается уйти в добровольную ссылку – он выезжает из города и отправляется в Москву. Комментируя этот факт, повествователь замечает: «На ярого сатира надет намордник» [18. С. 555]. В то время как в «Обличителях» появление повести составляло главную сюжетную линию, в антинигилистическом романе Писемского это происшествие укладывается в один из многочисленных эпизодов. По-видимому, для Писемского было важным представить сочинение губернского обличителя как одно из многочисленных проявлений взбаламученного житейского моря (пена дней).

Издания, представляющие ситуацию обличения, постоянно включались в структуру рассматриваемого сюжета, представляя своеобразный вид рефлексии. В достаточно шаблонной повести «Городские и деревенские», описывая диалог старого дворянина и молодой девушки, Ив. Весеньев приводит знаменательную характеристику:

«– Вы читали?

– Читала. Так, дрянь, отвечала она, помахивая листками... Это была “Искра”.

– Говорят, тут написаны и нарисованы наш губернатор с губернаторшей. Искала ничего нет, даже не нашла, в каком листке написано» [19. С. 49].

Очевидно, что сюжет о гласности, соединяясь с темой повседневного женского чтения, значительно обобщается, утрачивает своё событийно значимое содержание.

Подводя итог, отметим, что сюжет о губернских обличителях включается в общее поле сюжетов о деятельности провинциальных журналистов и чиновников. При этом два отстоящих друг от друга сюжета практически

отождествляются посредством общих мотивов, связанных с дилетантизмом письма и небрежностью стиля, недовольством обывателей, описанием массового спроса и поветрия.

Эти мотивы объединяют фельетонный роман С.И. Федорова, сатирический роман М.П. Стопановского (оба автора – сотрудники «Отечественных записок» и «Искры»), антинигилистический роман А.Ф. Писемского. Можно сделать предположение, что во всех трех произведениях, ориентированных на опыт первого тома «Мертвых душ», появление обличительной литературы, сходное с приездом Чичикова, развивается по одному общему принципу: изначально становясь событием, происшествие утрачивает свойство исключительного и

нового, постепенно становясь приметой обыденного. В то же время сюжет об обличителях становится практически металитературным; он связан не только с писателем-эпигоном, но и актом «писательства» как заимствования определенных идей.

В заключение отметим, что сюжет о провинциальных обличителях (близкий по семантике к сюжету о журналистах губернских ведомостей) мог оказать значительное влияние на эстетику обличительного направления. Представляя его в рефлексивном поле и подвергая сатирическому осмеянию, рассмотренный литературный факт утверждал первичность фикционального над реальным, противопоставляя существующему направлению генерирующую литературную среду.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот факт неоднократно отражался в беллетристике 1860-х гг. Так, открывая новогоднюю «Искру» 1861 г., В. Курочкин писал о гласности: «Милый ребенок! Давно ли в одной из книжек “Русского вестника”, за 1856 год, раздался твой первый лепет о какой-то взятке в 10 рублей, взятой в каком-то городе, каким-то письмоводителем с какого-то крестьянина...» [6. С. 588].

² Роману М.П. Стопановского дан эпиграф: «– Имеет провинция свои права (А. Пушкин). О, провинция – ужасная вещь! (В. Белинский)» [15. С. 5]. По всей видимости, писатель цитирует классиков по памяти. Возможно, для Стопановского важными были не сами высказывания, а имена. Предваряя свой текст эпиграфом, Стопановский демонстрирует два возможных полюса литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сумароков П. Деревенские письма. Обличительная корреспонденция нашего времени // Отечественные записки. 1861. Т. 136.
2. Хроника прогресса. Бард губернских ведомостей // Искра. 1859. № 21.
3. Буки-б (Федоров С.И.). Курьезные случаи. Случай 1-й. Посвящается литераторам, пишущим о провинции – в назидание им // Искра. 1860. № 9.
4. Успенский Г.И. Сторона наша убогая // Искра. 1865. № 7.
5. Буки-б (Федоров С.И.). Бес в Холопске. Фантастическая повесть в восьми сутках. Сутки 2-е // Искра. 1860. № 43.
6. Курочкин В.С. 1860 (трагедия или фарс, по усмотрению каждого смертного) // Искра. 1860. № 51.
7. Стопановский М.П. Обличители // Отечественные записки. 1862. Т. 142.
8. Рассказы из провинциального быта. Une entente cordiale // Искра. 1861. № 29.
9. Дмитриев И. Провинциальная газета // Современник. 1863. Т. 94.
10. Ямпольский И. Поэты «Искры». М.: Сов. писатель, 1939.
11. Буки-б (Федоров С.И.). Курьезные случаи. Случай 1-й. Посвящается литераторам, пишущим о провинции – в назидание им // Искра. 1860. № 8.
12. Поздравления, желания, подарки // Искра. 1859. № 1.
13. Буки-б (Федоров С.И.). Бес в Холопске. Фантастическая повесть в восьми сутках // Искра. 1860. № 23.
14. Буки-б (Федоров С.И.). Бес в Холопске. Фантастическая повесть в восьми сутках. Сутки 4-е // Искра. 1860. № 45.
15. Стопановский М.П. Обличители // Отечественные записки. 1862. Т. 140.
16. Стопановский М.П. Обличители // Отечественные записки. 1862. Т. 141.
17. Стопановский М.П. Обличители // Отечественные записки. 1862. Т. 143.
18. Писемский А.Ф. Взбаламученное море // Писемский А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1910. Т. 4.
19. Весеньев И. Городские и деревенские // Отечественные записки. 1863. Т. 147.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 января 2014 г.

PROVINCIAL NEWSPAPERS AND THE STORY ABOUT EXPOSERS IN THE RUSSIAN FICTION OF THE 1860S

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 24–28. DOI: 10.17223/15617793/380/4

Kozlov Aleksey Ye. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

Keywords: Russian literature; journalism in late 19th century; story of exposers; *Gubernskiy Vedomosti*; provincial text.

The article is devoted to the research of *Gubernskiy Vedomosti* (the Regional News) and the story about provincial exposers in the Russian literature of the 19th century. These plot schemes are formed in the 1860s and are closely connected with exposure tendencies in literature. Peculiarities of such plot schemes are investigated in the material of the articles of different magazines (*Otechestvennyye Zapiski* (Patriotic Notes), *Sovremennik* (The Contemporary), *Iskra* (The Spark)). The reputation of the provincial newspapers depended on the culture stereotype. Many journalists of the provincial newspapers were clerks and office-holders. This fact affected the reader's and writer's impression. Events of everyday life were deformed by the internal reviews in the famous magazines (see our article “Transformation of ‘internal reviews’ genre in the provincial text of Russian literature of the 19th century”). In the newspapers and satirical weekly newspapers it was described in different rubrics (for example, “Write us” or “From the province”). The rubrics of *Iskra* presented many anecdote situations. In all the contexts analysed the plot scheme is connected with the diletantism and unprofessional character of provincial fiction. For example, this motif is developed in “The Devil in Kholopsk”: “you will gossip and accept bribes as all enlighteners... You will play cards every night and will write about progress in the Regional news every morning”. The stereotype is connected with the semantics of other plots about provincial exposers. It formed in fiction under the influence of M. Saltykov-Shchedrin's “Provincial Sketches”. The satiric semantics of these plot schemes has two sides. On the one hand, many episodes of the provincial life are ridiculed here. On the

other hand, journalists and authors of these reviews are ridiculed, too. Further big novel forms are investigated (“The Devil in Kholopsk” by Fedorov, “The Exposers” by Stopanovsky and “The Boiling Sea” by Pisemsky). The plot scheme of “The Devil in Kholopsk” is based on “The Lame Devil” by Lesage. The story of the novel presents a provincial trip of a clerk and the devil in the town of Kholopsk. Many speeches of characters are connected with exposure tendencies: “What can create it? The emptiness of the rural provincial life and lack of education”. In the final of the novel provincial journalists and exposers become equal. The plot scheme of “The Exposers” presents an evolution of this motif. The event here is the appearance of “The Brothers Robbers”. It is an exposure story which includes Chichikov, Chichikhin, Kostylkov and all other residents of the provincial Gryazeslavl. In Stopanovsky’s novel the liberal exposers are compared with the conservative majority. “The Exposers” presents a behaviour code: this theme covers the relations of the author and the reader. The initial plot scheme transformed, because the meaning of the story is a complex of false identification. Similar realization is used in “The Boiling Sea” and connected with Basardin’s character. Exposure here is one of many episodes of the novel story, and, therefore, one of many episodes of social life. Thus, the story about provincial exposers and regional journalists are similar on the semantic level. Moreover, it can have influence of exposure tendencies in the Russian literature and fiction of the 1860s.

REFERENCES

1. Sumarokov P. Derevenskie pis'ma. Oblichitel'naya korrespondentsiya nashego vremeni. *Otechestvennye zapiski*. 1861. V. 136.
2. Khronika progressa. Bard gubernskikh vedomostey. *Iskra*. 1859. No. 21.
3. Buki-b (Fedorov S.I.). Kur'eznye sluchai. Sluchay 1-y. Posvyashchaetsya literatoram, pishushchim o provintsii – v nazidanie im. *Iskra*. 1860. No. 9.
4. Uspenskiy G.I. Storona nasha ubogaya. *Iskra*. 1865. No. 7.
5. Buki-b (Fedorov S.I.). Bes v Kholopske. Fantasticheskaya povest' v vos'mi sutkakh. Sutki 2-e. *Iskra*. 1860. No. 43.
6. Kurochkin V.S. 1860 (tragediya ili fars, po usmotreniyu kazhdogo smertnogo). *Iskra*. 1860. No. 51.
7. Stopanovskiy M.P. Oblichiteli. *Otechestvennye zapiski*. 1862. V. 142.
8. Rasskazy iz provintsial'nogo byta. Une entente cordiale. *Iskra*. 1861. No. 29.
9. Dmitriev I. Provintsial'naya gazeta. *Sovremennik*. 1863. V. 94.
10. Yampol'skiy I. Poety «Iskry». M. : Sov. pisatel', 1939.
11. Buki-b (Fedorov S.I.). Kur'eznye sluchai. Sluchay 1-y. Posvyashchaetsya literatoram, pishushchim o provintsii – v nazidanie im. *Iskra*. 1860. No. 8.
12. Pozdravleniya, zhelaniya, podarki. *Iskra*. 1859. No. 1.
13. Buki-b (Fedorov S.I.). Bes v Kholopske. Fantasticheskaya povest' v vos'mi sutkakh. *Iskra*. 1860. No. 23.
14. Buki-b (Fedorov S.I.). Bes v Kholopske. Fantasticheskaya povest' v vos'mi sutkakh. Sutki 4-e. *Iskra*. 1860. No. 45.
15. Stopanovskiy M.P. Oblichiteli. *Otechestvennye zapiski*. 1862. V. 140.
16. Stopanovskiy M.P. Oblichiteli. *Otechestvennye zapiski*. 1862. V. 141.
17. Stopanovskiy M.P. Oblichiteli. *Otechestvennye zapiski*. 1862. V. 143.
18. Pisemskiy A.F. Vzbalamuchennoe more. Pisemskiy A.F. Sobr. soch. : v 8 t. SPb. : Izd-vo A.F. Marksa, 1910. V. 4.
19. Vesen'ev I. Gorodskie i derevenskie. *Otechestvennye zapiski*. 1863. V. 147.